

А. М. Захаров

**«Контрреволюционер»: генерал Юзеф Довбор-Мусьницкий в 1914–1917 гг.
(по материалам воспоминаний)**

Статья посвящена генералу Юзефу Довбор-Мусьницкому, считавшемуся в советской литературе одним из первых организаторов антибольшевистских выступлений в конце 1917 – начале 1918 г. Исследуется период его службы в русской армии в годы Первой мировой войны. Основой для статьи стали воспоминания самого генерала.

Ключевые слова: генерал Ю. Довбор-Мусьницкий, Первая мировая война, польские части в русской армии, воспоминания о Первой мировой войне, Начполь, русский офицерский корпус.

A. M. Zakharov

**"A Counter-Revolutionary": General Jozef Dowbor-Musnicki
in 1914–1917 (based on the memoirs)**

The article is dedicated to General J. Dowbor-Musnicki, whose name in the Soviet historical literature was connected with the first anti-Bolshevik mutinies in the end of 1917 – beginning of 1918. The period of the General's service in the Russian Imperial Army during the World War I is explored. The basis for the article is Dowbor's memoirs.

Keywords: General J. Dowbor-Musnicki, the World War I, polish companies in the Russian Army, memoirs about the World War I, Polish Main War Committee, Russian officers.

Редкий высокопоставленный иностранный генерал удостаивался в советской исторической литературе такого количества единодушных негативных оценок, как Ю. Довбор-Мусьницкий. «Контрреволюционер», «один из самых реакционных царских генералов» – самые мягкие из спектра этих мнений. Даже те отечественные исследователи, которые использовали в своих трудах иностранную и белоэмигрантскую литературу, как будто «заговором молчания» обходили стороной воспоминания генерала – вполне доступный и ценный источник эпохи. Приводимые в данной статье выдержки – первая публикация на русском языке воспоминаний польского офицера, сыгравшего столь значимую роль в отечественной истории периода Первой мировой войны и революции, а затем канувшего в неизвестность даже в родной ему польской истории (в 1920–1937 гг. генерал был напрочь забыт польской прессой и общественным мнением – вспомнили о нем лишь после его смерти).

Юзеф Довбор-Мусьницкий происходил из старого польско-литовского шляхетского рода. В его ближайшей родне – Скирмунты, Гриневичи, Юровские и другие знатные роды Сандомирского воеводства. Родился он 25 октября 1867 г. в

фамильном имении Гарбов, став младшим из шести детей. Решение отца о военной карьере для младшего сына было встречено соседями без особой доброжелательности – в русской армии уже служили два старших сына – Константин и Чеслав. Однако в 1887 г. Юзеф закончил-таки Константиновское военное училище в Петербурге и выпустился в 140-й Зарайский пехотный полк.

Карьера Довбор-Мусьницкого шла не очень гладко – как считал он сам, в силу его польского происхождения. Намеренно по службе его не тормозили, но и продвижения не давали [3, s. 29]. Прогресс начался лишь после поступления в 1899 г. и успешного окончания в 1902 г. Академии Генерального штаба. Здесь тоже остался неприятный осадок – первым на курсе оказался не он, а небезызвестный в дальнейшем А. А. Игнатъев (автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю»). Довбор, признавая таланты оппонента, все же отмечал, что руководству Академии проще было отдать первенство знатному русскому, нежели ему – поляку. Сам Игнатъев в своих мемуарах поминал конкурента лаконично, останавливаясь лишь на внешней характеристике [1, с. 128].

В русско-японской войне наш герой принял участие в должности начальника оперативного отдела штаба 1-го Сибирского корпуса (где 35-м стрелковым полком, кстати, командовал его старший брат Константин, уже полковник). При Мукдене был легко ранен осколком японского снаряда в ногу. Войну он описывал впоследствии чуть отстраненно, с легким даже цинизмом, негодуя лишь, что генералы боятся сказать царю правду об истинном положении дел [3, s. 89]. Еще более скептической и в то же время оригинальной представляется его оценка первой русской революции: ее организаторов Довбор критиковал прежде всего... за анархию и импровизацию. С его точки зрения, «революция... должна иметь четкий план и способы реализации» [3, s. 92].

Начало Первой мировой войны Юзеф Довбор-Мусьницкий встретил в чине полковника и в должности начальника штаба 7-й пехотной дивизии, квартировавшей до начала боевых действий в Воронеже. Воронежский период своей жизни он описывал как лучший на русском этапе карьеры: хорошие отношения с начальниками дивизии – сперва генералом Бутаковым, а затем генералом Михно, теплая дружба с двумя командирами полков в дивизии – такими же поляками полковниками Койшевским и Богдановичем, военно-научная работа по тактической подготовке офицеров дивизионной артиллерии, счастливая семейная жизнь (в 1914 г. в семье Довбора родился уже третий ребенок).

Фронтальная жизнь для полковника Довбор-Мусьницкого началась 26 августа 1914 г., когда эшелоны дивизии встали под разгрузку на станции Мацеув, прямо посредине железной дороги Хелм-Ковель, для марша в направлении Буга. Войну 50-летний полковник встретил спокойно. «Я люблю войну не за кровопролитие, – писал он впоследствии, – но как необычную работу в атмосфере большого духовного подъема» [3, s. 111].

27 августа – 1 сентября 1914 г. дивизия приняла боевое крещение, наголову разбив 15-ю австрийскую пехотную дивизию в сражении при Горном Майдане, сбив ее с перевала и отбросив к Белжецу. За этот бой дивизия получила Георгиевский крест на знамя, а ее начальник штаба – Золотое оружие, продемонстрировав в первую очередь отличное умение концентрировать на войсках противника плотный артиллерийский огонь (сказались, видимо довоенные занятия в этой области военного искусства).

В составе 5-й армии дивизия вскоре была перебросена под Варшаву, где сложилась куда бо-

лее угрожающая ситуация на фронте. Штаб дивизии расположился в Петркуве, за Вислой. Здесь Довбор впервые за время войны отметил угрожающие симптомы разложения. «Большинство русских солдат, – встревожено отмечал он, – не выказывало желания воевать с немцами» [3, s. 121]. Впрочем, для него самого карьера складывалась как нельзя удачно – 17 ноября 1914 г. он принял 14-й сибирский стрелковый полк 2-й дивизии 3-го армейского корпуса. Приехав в часть, новый командир полка ужаснулся – его встретили 3 офицера и 400 солдат! Остальные 4 с лишним тысячи человек полегли в боях под Лодзью и Варшавой.

Здесь Довбор впервые проявил качества великодушного и энергичного организатора. Решительно представив к офицерским чинам более 20 отличившихся в боях унтер-офицеров, он деятельно взялся за обучение и организацию прибывающих новобранцев. Дополнительной сложностью стало укомплектование полка представителями разных национальностей – по занятой иронии судьбы «сибирский» полк состоял из двух эстонских и одного латышского батальонов (последним, кстати, командовал капитан И. И. Вацетис, будущий главнокомандующий РККА в годы Гражданской войны).

В январе 1915 г. полк бросили в наступление на Прасныш. При форсировании реки Ожицы командир полка получил сложное ранение пулевой пулей в левую ногу и отбыл на длительное лечение в Москву. Только в июне Довбор смог вернуться в свой полк, расквартированный к этому времени в Бресте для повторного пополнения – в строю оставалось чуть более 600 человек.

Тыл быстро превратился в прифронтную линию – начиналось Великое отступление русской армии 1915 г. На правом берегу Двины у Сновска Довбор снова выбыл из строя, получив тяжелую контузию под артиллерийским огнем немецких дальнобойных орудий. Во время этого лечения подоспело и повышение в чине – 15 августа 1915 г. он получил погоны генерал-майора. Излечившись от контузии, он был отправлен в тыл – начальником формирующейся из орловских новобранцев 123-й пехотной дивизии (примечательно, что его таланты организатора наконец-то были отмечены и высшим командованием). Однако с этой частью пришлось расстаться – она предназначалась для турецкого фронта, а Довбор не хотел расставаться со знакомым ему европейским театром военных действий. Трудно

сказать, чего здесь было больше – карьерных амбиций или холодного расчета профессионального военного, – но его просьбу удовлетворили: в январе 1916 г. он получил 38-ю дивизию в составе 1-й армии.

На фронт дивизия вышла летом 1916 г. в районе Риги, сменив отходящую в тыл на переформирование и пополнение 14-ю Сибирскую стрелковую. Командиром последней был брат Юзефа – Константин (уже во второй раз они встречались на фронте). Здесь нашему герою пришлось на себе испытать действие нового немецкого оружия – дивизия попала под газовую атаку. Довбор, из гордости отказавшийся от противогаза, получил ожог верхних дыхательных путей, и, хотя и остался в строю, астматические рецидивы мучили его до конца жизни. С фронта ему все же пришлось уйти – командарм генерал Литвинов категорически требовал перевести энергичного подчиненного на менее опасную штабную работу, в которой он, впрочем, был не менее полезен. 17 января 1917 г. Довбор стал начальником штаба армии. Здесь у него появилось время для отдыха и частных бесед, в которых он впервые за время карьеры стал высказываться на политические темы. Любимым собеседником стал начальник санитарно-медицинской службы 38-й дивизии князь Вяземский. Довбор в частых беседах с ним впервые показал свое политическое лицо – убежденный монархист и легитимист, фанатик дисциплины. О польском происхождении и политике говорил неохотно, но, говоря о необходимости дисциплины, преобразался. «Только очень ограниченный человек не понимает, зачем существует в армии присяга», – отрезал он как-то в беседе с Вяземским [3, s. 136].

Февральскую революцию Довбор встретил без энтузиазма, но и без особого раздражения. Его реакция в этом отношении не отличалась от реакции основной массы старших офицеров армии – ради победы в войне они вполне были готовы пожертвовать царем. Присягу Временному правительству 1-я армия приняла без каких-либо эксцессов, после чего ее начальник штаба выехал в Петроград. Там он был принят военным министром А. И. Гучковым, с которым имел продолжительную беседу. На политические темы в ходе этого общения Довбор высказался только один раз, подвергнув критике приказ № 1. Гучкову явно понравилась подчеркнутая аполитичность генерала – он предложил ему высокий пост генерал-квартирмейстера в одном из отделов Генерального штаба. Довбор, однако, отказался – он

уже по горло был сыт штабной работой. Гучков, оценив его энергию и распорядительность, пошел ему навстречу – 27 марта 1917 г. Довбор-Мусьницкий принял 38-й армейский корпус, получив одновременно звание генерал-лейтенанта.

К этому времени польские политические элиты России уже вынашивали планы создания в России польской армии. К началу 1917 г. в русской армии служило 500–700 тысяч поляков [2, s. 107; 5, s. 25], еще около 100 тысяч могло дать привлечение польских военнопленных, однако единство мнений по вопросу о добровольном характере будущего польского войска отсутствовало. Тем не менее, 21 июня 1917 г. 1-й всеобщий съезд военнотружущих-поляков в Петрограде создал структуру, долженствующую возглавить организационный процесс польских войск в России – Главный польский военный комитет («Начполь»). Комендатуру Начполя (то есть его главную формальную структуру) возглавил генерал Константин Довбор-Мусьницкий – старший брат нашего героя.

Первоначально холодное отношение русского правительства и военного руководства к польской затее радикально поменялось в дни летнего наступления 1917 г. 17 июля 1917 г. Главное управление Генерального штаба издало приказ о создании I Польского корпуса в составе русской армии. Естественно, встал вопрос о командире. На тот момент в штате русской армии насчитывалось 119 генералов-поляков. Генерал-лейтенантов фронтовой службы, однако, имелось только два: командиры 29-го и 38-го армейских корпусов – Эугениуш де Хеннинг-Михаэлис и Юзеф Довбор-Мусьницкий соответственно. Довбора выбрали после долгих дебатов, в которых важную роль сыграл его брат, отмечавший выдающиеся организаторские таланты Юзефа и его приверженность дисциплине, что было крайне важно в условиях растущей революционной анархии. Сильное впечатление на членов Начполя произвела реакция самого Довбора – он сперва отказался, заявив, что генерал Хеннинг старше его по выслуге и имеет больше прав на командование. Примечательно, что Хеннинг для отказа в пользу Довбора использовал аргумент схожего типа – зато тот Георгиевский кавалер и лучше знает польский язык [4, s. 14].

Мнения привлеченных экспертов по поводу кандидатуры командующего польскими войсками разнились. Отличную характеристику дали генералы Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин: сильный, энергичный офицер, «борец за дисциплину

без советов, комитетов и комиссаров». Холоднее высказался старый сослуживец – полковник Вацетис: военные таланты средние, амбициозен и деспотичен (в Начполе, впрочем, сочли данное мнение субъективным и продиктованным вульгарной завистью [2, s. 150]).

Сам Довбор, сперва демонстрировавший, как видим, известную скромность, теперь ее изрядно утратил. «Не скажу, что я был военным гением или удобным для всех человеком, к тому же я часто болел, – писал он, – но поляки, или хотя бы их часть, что была знакома с русским фронтом, как я сам должен признать, в тот момент не имели лучшего выбора» [3, s. 164].

В этот момент чуть не перехватила инициативу Ставка верховного главнокомандования, предложившая Довбору очередное повышение – пост командующего 11-й армией. Отказ амбициозного генерала, казалось бы, выглядел странно, но сам он абсолютно ясно разъяснил это впоследствии – пост командарма в разваливающейся русской армии его не слишком вдохновлял, а назначение из рук революционной, как он полагал, власти – не прельщало [3, s. 164].

8 августа 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов подписал приказ о создании корпуса и назначении генерал-лейтенанта русской службы Ю. Довбор-Мусьницкого его командующим. 21 августа был утвержден проект штатного расписания штаба корпуса – это был первый документ, подписанный Довбором на новом месте службы. Карьера русского генерала заканчивалась – начиналась карьера польского военачальника и русского «реакционера и контрреволюционера».

Мемуары Ю. Довбор-Мусьницкого, конечно же, заканчиваются не там, где завершается данная статья. Однако бросается в глаза, сколь мало места и внимания уделил в них отставной уже генерал эпизодам своей карьеры в России – на 1917 г. ушло не более 30 страниц из 240-страничного текста. Сам Довбор до конца дней считал свое участие в революционных событиях в России случайным эпизодом, полностью потерявшим для него свое значение на фоне событий, в которых он принял участие впоследствии – борьба за независимость Польши и становление Войска Польского.

Польша приняла его более чем скромно – его заслуги меркли на фоне блестящих карьер Пилсудского, Галлера, Желиговского, Рачкевича, других героев нации. Овдовев в 1920 г., Довбор-Мусьницкий полностью ушел из публичной жизни. Он умер в своем имении в Люсово под Познанью на следующий день после своего 70-го дня рождения – 26 октября 1937 г., оставив мемуары, послужившие основой для данной статьи.

Библиографический список

1. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю [Текст] / А. А. Игнатьев. – М. : Воениздат, 1957.
2. Baginski H. Wojsko polskie na Wschodzie. 1914–1920 / H. Baginski. – Warszawa: Bellona, 1921. – 631 s.
3. Dowbor-Musnicki J. Moje wspomnienia / J. Dowbor-Musnicki. – Warszawa: Instytut badania najnowszej historii Polski, 1921. – 240 s.
4. Henning-Michaelis E. W zamecie. Przyczynek do historii formacji polskich w Rosji, 1917–1918 / E. Henning-Michaelis. – Warszawa: Bellona, 1919. – 299 s.
5. Wrzosek M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918 / M. Wrzosek. – Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1969. – 366 s.